

УДК 81

МАНЕВРИРОВАНИЕ В ОБЫДЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ И В ПОЭЗИИ

В.З. Демьянков

Коммуникативное и когнитивное маневрирование приводит к сосуществованию нарративной и дискурсивной точек зрения в текстах средств массовой информации и в поэтических текстах. Реконструкция этих перспектив может быть использована для моделирования их коммуникативных эффектов. Личные, безличные и надличные способы передачи информации оказывают различное воздействие на аудиторию. Поэтический язык в современной лингвистике означает, в терминах Соссюра, не только «язык», используемый поэтами, но и поэтический «langage» (сокращенно «поэтаж»). Последний представляет собой символически значимую деятельность поэтов по написанию и презентации своих поэтических произведений и самих себя аудитории. Тексты, интерпретируемые как стихотворения, обладают, по презумпции, особым статусом. Так, они могут отклоняться от определенных стандартов символизации и приписывания реальности. Типичные ожидания, порождаемые такими текстами, включают: (а) особую, «художественную» манеру, в которой авторы «представляют себя» своим читателям, (б) специфическое содержание, достойное этого поэтического статуса в конкретных социокультурных контекстах, и (в) формальные характеристики поэтических текстов, состоящие не только из единиц собственно данного языка («langue»), но и из единиц, изобретенных или заимствованных ad hoc.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: манипуляция, маневрирование, СМИ, поэтический язык

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и практики коммуникации Института языкознания РАН. vdemiank@mail.ru

Цитирование: Демьянков В.З. Маневрирование в обыденной коммуникации и в поэзии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023, № 2. – С. 6–18. Режим доступа: www.tverlingua.ru

MANEUVERING IN EVERYDAY COMMUNICATION AND IN POETRY

Valery Z. Demyankov

Communicative and cognitive maneuvering results in coexistence of narrative and discursive perspectives in texts of mass-media and in poetic texts. Reconstructing these perspectives may be used for modeling their communicative effects. Personal, impersonal, and transpersonal ways of transferring information have different impact on audience. ‘Poetic language’ in modern linguistics denotes, in Saussurean terms, not only a ‘langue’ used by poets but also a poetic ‘langage’ (poétage for short). The latter means symbolically relevant activities of poets in writing and presenting their poetic works and themselves to the audience. Texts interpreted as poems are presupposed to have a special status. Thus, they are allowed to deviate from certain standards of symbolism and from reality assigned. Typical expectations generated by such texts include: (a) a special, ‘artistic’ manner in which authors ‘present themselves’ to their readers, (b) specific content held to deserve this poetic status in the particular socio-cultural contexts, and (c) formal characteristics of the poetic texts consisting not only of the units of a given language (‘langue’) proper but also of units invented or borrowed ad hoc.

KEY WORDS: manipulation, maneuvering, mass-media, poetry, poetic language

DEMYANKOV Valery Z. – DSc in Philology, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Theory and Practice of Communication at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. vdemiank@mail.ru

Citation: Demyankov V.Z. Maneuvering in everyday communication and in poetry [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2023, № 2. – P. 6–18. Access mode: www.tverlingua.ru

Раздел 1 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

*Владимиру Ильичу Карасику –
с глубоким уважением и симпатией.*

1. Коммуникативно-когнитивное маневрирование

Коммуникативно-когнитивное маневрирование представляет собой не прямые переходы в умозаключениях и в передаче убеждений, веры, надежды (и любви), которым приписывается эпистемическая ценность. Такие переходы похожи на «непрямые речевые акты», когда для реализации одной иллокуции используют выражения, обладающие другой иллокутивной силой. У Вас спрашивают: «Вы не любите сыр?», а Вы думаете: «Меня просят отказаться от этого сыра – или, наоборот, обидятся, если я его не попробую?»

Лавированием можно назвать разновидность маневрирования, нацеленную на избегание препятствий, этим лавирование отличается от «декоративного», «орнаментального», поэтического маневрирования. Вынужденное лавирование между правдой и коммуникативным комфортом определяет многие нормы общения людей. Важной, но не единственной целью маневрирования является манипуляция, когда пытаются изменить поведение другого человека, чтобы поддержать собственное существование.

Пример манипулятивного маневрирования дает басня И.А.Крылова «Ворона и лисица». Опытный манипулятор лисица убеждает ворону в необходимости открыть рот, отчего сыр падает, а лисица подхватывает этот ценный продукт и торжествует. Своими вербальными действиями лисица вызывает у собеседницы прилив повышенного самоуважения и побуждает закрепить репутацию вокалистки.

Конечно, вместо столь долгого пути к заветному сыру, Лисица могла бы просто строгим голосом попросить Ворону поделиться. Но предвидя

моральные и правовые сложности в такой транзакции, плутовка прибегла к маневрам обычным в таких щекотливых случаях, когда манипулируемый не замечает и не противодействует воздействию. Ведь будь Ворона попроницательней, она бы задала себе тестовый вопрос: «Ну почему мне никто раньше таких чудных слов не говорил?» В данном случае сыграло свою роль то, что комплименты лисицы очень креативны. Ведь даже неумелый, но креативный комплимент бьет своей трогательной безыскусностью там, где избитый пролетает мимо цели, подобно ржавой консервной банке: креативность отводит от мысли верифицировать высказывания и удостовериться в истине. А робкая, закомплексованная истина боится креативности.

При этом личная, безличная и «надличная» («общезначимая») подача мнений обладают различной действенностью. Проблема исследователя в том, чтобы разработать коммуникативную алгебру для вычисления когнитивного эффекта у такого маневрирования.

Обыденная мудрость гласит: «Скажи мне, от кого, когда и как ты это узнал, и я скажу, прав ли ты». Наученные горьким опытом, люди, если они хоть немножечко не вороны, проявляют чудеса бдительности, даже когда данайцы-лисы говорят чистую правду и добровольно выкладывают все, что знают. Но «правда» прорицателя, прогноза погоды и экономического комментатора биржи, жонглирующих «необязательными возможностями», не та же, что в случае вопросов: «Который час?» (на который невежливо звучит ответ «У тебя свои часы есть») и «Кто взял Бастилию?» (с издевательским ответом «Не я: она валялась на полу; скорее всего, уборщица»).

Цель когнитологического исследования маневрирования – установить, какие стратегии и тактики подачи информации при личностных свойствах данного информатора дают желанный результат в аудитории, обладающей заданными параметрами. К этим параметрам можно отнести то, что В.И. Карасик называет «поэтические измерения личности» (Карасик, 2014:

292). Созвучие и диссонанс этих параметров у автора и его аудитории наводит «мосты понимания», которым посвящена замечательная книга юбиляра (Карасик, 2019: 130). Поэтическими такие измерения являются в силу выполняемой ими поэтической функции, формы выражения, сказывающейся на эффективности воздействия. Особенным зарядом такие выражения прирастают в рамках поэтического текста.

«Эпистемическая гарантия» (epistemic warrant) результата – оценка правдоподобия мнения при учете статуса личности, которой мнение приписывается с некоторой степенью истинности, правдивости и/или, на худой конец, правдоподобия, см. (Демьянков, 2022). Набор гарантий расширяется или сужается в зависимости от параметров коммуникантов, включая и невербальные. Так, если при словах «Пачку аспирина, пожалуйста» лицо покупателя непроизвольно искажается, создавая впечатление подмигивания, клиент рискует получить не тот товар.

Подход лингвистов связан только с частью этой проблемы, с выявлением эпистемических гарантий по языковой форме высказывания в опоре на репертуар и парадигматику таких форм, устанавливаемые из наблюдений над корпусом текстов и над взаимодействием фактов с оценками личности говорящего и аудитории. Создание и воздействие броских сообщений СМИ уподобляют – «когнитивно моделируют» (т. е. описывают в локалистских терминах трехмерного пространства) – то как товарооборот, то как пандемию и военные действия, то как праздник урожая новых знаний и убеждений. Опираясь на такие «модели», события в СМИ представляют в рамках «расплывчатой логики» (fuzzy logic) по лекалам 1) экономической конкуренции, 2) борьбы за выживание, 3) вооруженного конфликта и/или 4) тихого вызревания общественного мнения на любовно унавоженных новостных грядках (подробнее см. Демьянков, 2023).

Эпистемические гарантии бывают не только первого порядка, для собственно информации, но и второго, третьего и т.д., характеризуя надёжность самих гарантов. Эпистемическая гарантия второго порядка

«подпирает» веру в содержание высказывания на основе не непосредственного знакомства с первоисточником, а указания на эпистемическую репутацию того или иного лица – носителя мнения. Эпистемические предисловия *насколько я знаю* и *по-моему* сродни прощупыванию с помощью риторического вопроса, обращенного к адресату: *Ты меня уважаешь?* Открыто возражать таким суждениям – что плюнуть в лицо.

Рискованно в таких случаях эпистемически опираться на мнение человека, мало кому известного, ср.: *Экс-депутат Бундестага Гердт: «Украина уже не сохранится в изначальных границах»* (https://news.rambler.ru/world/50060595/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink).

Еще менее надежно выглядят сообщения с заголовком типа: «СМИ: за рассылкой бомб по почте в Испании стоит военная разведка РФ» (где в качестве источника указываются СМИ, типа *New York Times*), с таким текстом: *Издание The New York Times со ссылкой на официальные лица США и ЕС утверждает, что российские военные разведчики в 2022 году поручили ультраправым группировкам провести кампанию по рассылке бомб в Испании* (https://news.rambler.ru/world/50072681/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink). Ведь указание на СМИ как на первичный источник сегодня скорее равносильно констатации ненадежности информации, этот источник лучше как-нибудь закамуфлировать.

Интересным эффектом обладает неоднозначное именование типа *возможность*. Например, под заголовком «В Кремле рассказали о возможном разговоре Путина и Байдена» (Рамблер, 12.12.2022) читаем: *Кремль не видел, чтобы США подталкивали Украину к мирным переговорам, заявил пресс-секретарь российского лидера Дмитрий Песков. Он добавил, что Вашингтон не запрашивал телефонного разговора с Путиным*

(<https://news.rambler.ru/politics/49856807-v-kremle-rasskazali-o-vozmozhnom-razgovore-putina-i-baydena/>).

В этом примере дефолт заголовку объявляет Песков словами *Вашингтон не запрашивал телефонного разговора с Путиным*, а сам автор заметки как эпистемический гарант отказывается от приоритетного варианта истолкования своих или чужих слов. Но к моменту дефолта сам заголовок уже сыграет свою главную роль. Конечно, рано или поздно выяснится, что «разговор пока не предвидится». Однако первое навязанное мнение («разговор состоится») не будет вытеснено последующими разъяснениями, а так и осядет навсегда таким, каким было первоначально озвучено. Такой осадок останется, даже если, как в старом одесском анекдоте, ложки впоследствии отыщутся. И «квалифицированное» мнение так и останется диаметрально противоположным тому, что в тексте-источнике тоже можно прочитать, но подано после ударного утверждения.

2. Поэтаж

В прототипическом смысле о поэтических параметрах манипулирования говорят в случае поэтических текстов. Сами слова *поэзия*, *стихи* и т. п. как оценочные термины сродни слову *песня*, обозначая необыкновенное совершенство, необыденную красоту, ср.: *Его речь звучала, как стихи*.

Предметом междисциплинарного исследования поэтичности в наше время стали механизмы развития общецивилизационных представлений о мире, окружающем человека. Теоретическую лингвистику язык интересует в таком исследовании не только как *langue* (как система уже готовых и/или изготавливаемых знаков), но и как *langage* – «языковая, или (чаще) речевая деятельность» человека, «пользующегося» этим языком. Язык как деятельность привносит человеческое измерение в теоретическую лингвистику, позволяя поставить вопрос, что от себя лично добавляет в речь человек, использующий систему языковых знаков (ср. Beauvois and Ghiglione, 1981: 11-12).

Эта деятельность связана с отбором и аранжировкой постоянно пополняемых запасов языка как хранилища, своеобразной кладовки и палаты мер и весов, содержащей стандарты (ср. Bänisch, 1986: 25). Процедуры, организующие язык-систему, опираются на общечеловеческие и специфичные принципы хранения и упорядочения материала. Среди них и старая немецкая истина: *Wer Ordnung hält, ist nur zu faul zum Suchen* «Кто поддерживает порядок, просто слишком ленив, чтобы искать». Иначе говоря, нарушение порядка может себе позволить только тот, кто чувствует за собой право на креативность. Другой принцип: «Подальше положишь – поближе возьмешь».

Творческая жизнь поэта в лежит в сфере той разновидности *langage*, которую условно можно назвать *poétage*. Поэтаж – поэтическая разновидность *langage*.

Попытаемся сопоставить «профанное» представление о поэтах и поэзии у наивного потребителя поэзии с «сакральным», т.е. профессиональным и филологическим. Так, в одном знаменитом произведении для детей читаем, в ответ на вопрос, что такое быть поэтом:

«– Неужели это так просто? – удивился Незнайка.

– Конечно, просто. Главное – это способности иметь» (Н.Носов. Приключения Незнайки и его друзей, 1954).

Иначе говоря, стихи и поэзия в качестве презумпции своего существования предполагают у поэта наличие неординарных способностей. Начиная читать поэтическое произведение, мы настраиваемся на то, что автор этими способностями обладает: стихотворение либо непрозаично, либо это не стихотворение. Но по ходу чтения устанавливаем, так ли это.

В состав поэтажа входят, если перечислить по возрастанию значимости:

1. *Символические ритуалы*, сопровождающие создание, презентацию поэтического произведения и самопрезентацию автора. А именно: «После того как из Незнайки не получилось художника, он решил сделаться поэтом и

сочинять стихи. У него был знакомый поэт, который жил на улице Одуванчиков. Этого поэта по-настоящему звали Пудиком, но, как известно, все поэты очень любят красивые имена. Поэтому, когда Пудик начал писать стихи, он выбрал себе другое имя и стал называться Цветиком» (Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей, 1954).

Выбор псевдонима как «творческой маски», или социальной роли кумира публики, может на всю жизнь предопределить ключ, в котором следует понимать все или большую часть будущих произведений поэта. Вспомним Андрея Белого (Борис Николаевич Бугаев), Анну Ахматову (Горенко), Игоря Северянина (Игорь Васильевич Лотарёв)... К символическим ритуалам можно также отнести самопозиционирование в качестве поэта, участие во всевозможных поэтических конкурсах, номинации на литературные премии и т. п. Кажется, во все эпохи было так, что можно не прочитать ни одного произведения автора, но знать, что он великий или посредственный поэт. А чтобы чувствовать себя поэтом, нужно жить поэтично.

Эпистемической гарантией такой оценки является то таинственное социологическое измерение, которое называется «профессиональная репутация». Отсюда и распространенное мнение: «Великим поэтом является тот, кого считают великим поэтом». Очень напоминает высказывание из логики: «Высказывание *Снег бел* истинно, если снег бел». Просто сюда добавили еще предикат пропозициональной установки *считают* как эпистемический гарант.

И наоборот, современный читатель часто скептически оценивает поэзию М.В. Ломоносова или его современников, обычно уже начитавшись стихов А.С. Пушкина и А.А. Ахматовой: позиция великих уже занята. Для будущих знатоков эстетика всей русской поэзии до начала 21 в. предстанет через призму поэтажа начала 21 в., но как в точности она предстанет, сегодня трудно предсказать. Скорее всего как позитивный предмет для подражания.

2. В большей степени для поэтажа существенно *соотношение*

содержания произведения с «реальным» и с «вымышленными мирами», окружающими поэта и его читателей. Профанность существующего мира на фоне поэтажа тематизирована в пушкинском «Поэт идет — открыты вежды, / Но он не видит никого; / А между тем за край одежды / Прохожий дергает его...» (А.С.Пушкин, Египетские ночи, 1835). Как мы помним, Незнайка сочинил следующие бессмертные строки, затрагивающие предел поэтической вольности:

«Знайка шел гулять на речку,

Перепрыгнул через овечку.

– Что? – закричал Знайка. – Когда это я прыгал через овечку?

– Ну, это только в стихах так говорится, для рифмы, – объяснил Незнайка.

– Так ты из-за рифмы будешь на меня всякую неправду сочинять? – вскипел Знайка.

– Конечно, – ответил Незнайка. – Зачем же мне сочинять правду? Правду и сочинять нечего, она и так есть» (Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей, 1954).

3. Наконец, в наибольшей для филолога степени к поэтажу относится *соотношение между более или менее готовой системой знаков (langue), конструированием новых знаков и написанием поэтической картины*. Эти действия мы можем реконструировать по тексту. В этой области традиционно важнейшую роль играет внешний – слуховой и/или зрительный облик языковых знаков. Особую область составляет исследование того, какие синтаксические конструкции и риторические фигуры и в какой функции представлены в поэзии. Так, иногда полагают, что условные обороты позволяют сопоставить мир реальный с миром фантастическим (см. Hamilton, 2014: 209).

Консультация юного героя у мэтра поэзии завершилась контрольным заданием:

«– Ну, придумай рифму на слово «пакля», – сказал Цветик.

– Шмакля, – ответил Незнайка.

– Какая шмакля? – удивился Цветик. – Разве есть такое слово?

– А разве нету?

– Конечно, нет.

– Ну, тогда рвакля.

– Что это за рвакля такая? – снова удивился Цветик.

– Ну, это когда рвут что-нибудь, вот и получается рвакля, – объяснил Незнайка.

– Врешь ты все, – сказал Цветик, – такого слова не бывает. Надо подбирать такие слова, которые бывают, а не выдумывать.

– А если я не могу подобрать другого слова?

– Значит, у тебя нет способностей к поэзии» (Н.Носов. Приключения Незнайки и его друзей, 1954).

В «поэтической школе», представленной Цветиком (но, как мы знаем из истории мировой литературы, не всегда), поэт только в ограниченной степени имеет право создавать новые единицы языка. Нарушение ограничений вызывает «типовые» сомнения в поэтичности произведения («Это не стихи») и в уровне поэтической квалификации автора («Это плохой поэт, у него нет способностей к поэзии»).

Все эти моменты и множество других входят в поэтическую деятельность, в *поэтаж*. Исследование поэтажа связано с анализом человеческой (а для некоторых поэтов – сверхчеловеческой) деятельности при создании и интерпретации поэтического текста в том или ином уникальном контексте творчества. Иначе говоря, не только результат сложения единиц языка в единый текст, но и то, как такое сложение протекало и протекает (то есть, как происходит становление поэтического дискурса), а также как текст презентуется публике и представляется самому автору.

Заключение

Б.Л. Пастернак в свое время прославился знаменитым недосмотром:

Любить иных – тяжелый крест,

А ты прекрасна без извилин,

И прелести твоей секрет

Разгадке жизни равносильна (Б. Пастернак, *Любить иных, тяжелый крест*, 1931).

Под извилинами имеется в виду когнитивное маневрирование: «Ты прекрасна, даже и думать не о чем». Подобно адресату процитированных пастернаковских строк, когниция и коммуникация, как и все человеческое, возможно, прекрасны и без «извилин» и несомненно являются важным предметом лингвистического исследования в когнитологии. Но живем мы все-таки с извилинами.

Поэтаж предполагает создание и понимание текста, методы его адаптации и донесения до адресатов, а также интерпретацию деятельности и окружения человека в поэтическом ключе. Учитывая оценочность термина *поэзия* в обыденном языке, всю эту деятельность воспринимают в ключе образцовости и высокой степени нормативности.

Установление стратегий и тактик подачи информации в рамках конкретных культур, на материале различных мировых поэтических практик, позволит разработать и усовершенствовать формальный аппарат для предсказания, «вычисления», результатов взаимодействия коммуникации и когниции.

Опора на эмпирически выявленные приемы когнитивно-коммуникативного маневрирования позволит устанавливать степень правдивости источников информации, в частности, системами искусственного интеллекта.

Ссылки – References in Russian

Демьянков 2022 – Демьянков В.З. Об эпистемических гарантиях в тексте // Управление наукой: теория и практика. – 2022. Том 4. № 3. – С. 218–228.

Демьянков 2023 – Демьянков В.З. Коммуникативное и когнитивное маневрирование // Когнитивные исследования языка. – Вып. – № 3 (54). Часть I. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2023. – С. 36–40.

Карасик 2014 – Карасик В.И. Языковое проявление личности. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 450 с.

Карасик 2019 – Карасик В.И. Языковые мосты понимания. – М.: Дискурс, 2019. – 461 с.

References

Bänsch, H.-D. (1986) *Semiologische Paradoxien in Goethes Sprach- und Dichtungsverständnis*, Essen, Die Blaue Eule, 251 p.

Beauvois, J.-L., Ghiglione, R. (1981) *L'homme et son langage: Attitudes et enjeux sociaux*, Paris, Presses universitaires de France, 280 p.

Hamilton, C. (2014) The cognitive poetics of *if* // *Cognitive Grammar in Literature*, Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2014. pp. 195–211.

Demyankov, V.Z. (2022) Ob èpistemičeskich garantijach v tekste // *Upravlenie naukoj: teorija i praktika*. 2022. Tom 4. № 3. S. 218–228.

Demyankov V.Z. Kommunikativnoe i kognitivnoe manevrirovanie // *Kognitivnye issledovaniya jazyka*, Vypusk № 3 (54). Čast' I. Tambov, 2023. pp. 36–40. (In Russian)

Karasik, V.I. (2014) *Jazykovoe projavlenie ličnosti*, Volgograd. Paradigma, 450 p. (In Russian)

Karasik, V.I. (2019) *Jazykovye mosty ponimanija*, Moscow, Diskurs, 461 p. (In Russian)